

У. Вордсворт. «Прелюдия».

<p>There are in our existence spots of time, That with distinct pre-eminence retain A renovating virtue, whence, depressed By false opinion and contentious thought, Or aught of heavier or more deadly weight, In trivial occupations, and the round Of ordinary intercourse, our minds Are nourished and invisibly repaired; A virtue, by which pleasure is enhanced, That penetrates, enables us to mount, When high, more high, and lifts us up when fallen. This efficacious spirit chiefly lurks Among those passages of life that give Profoundest knowledge to what point, and how, The mind is lord and master – outward sense The obedient servant of her will. Such moments Are scattered everywhere, taking their date From our first childhood: in our childhood even Perhaps are most conspicuous. Life with me, As far as memory can look back, is full Of this beneficent influence.</p> <p style="text-align: center;">At a time</p> <p>When scarcely (I was then not six years old) My hand could hold a bridle, with proud hopes I mounted, and we rode towards the hills: We were a pair of Horsemen; honest James Was with me, my encourager and guide. We had not travelled long ere some mischance Disjoined me from my Comrade, and, through fear Dismounting, down the rough and stony Moor I led my Horse, and stumbling on, at length Came to a bottom, where in former times A Murderer had been hung in iron chains. The Gibbet-mast was mouldered down, the bones And iron case were gone, but on the turf, Hard by, soon after that fell deed was wrought, Some unknown hand had carved the Murderer's name. The monumental writing was engraven In times long past, and still from year to year By superstition of the neighbourhood The grass is cleared away; and to this hour The letters are all fresh and visible. Faltering, and ignorant where I was, at length I chanced to espy those characters inscribed On the green sod: forthwith I left the spot And, reascending the bare Common, saw A naked Pool that lay beneath the hills,</p>	<p>258</p> <p>270</p> <p>280</p> <p>290</p> <p>300</p>	<p>Есть времени места, и в каждой жизни Они — живительных источник сил. Туда от суесловия и лжи Иль от гнетущих нас еще сильнее (Порой невыносимо) бесполезных Занятий и рутины мы спешим, Чтобы незримо возродиться, чтобы Дух радости, входя в нас, помогал Достигшим высоты подняться выше, Упавшим — встать. Сей животворный дух Там веет, где почувствовать смогли мы, Что всем обязаны своей душе: Она — царица; всё, что к нам приходит Извне, подчинено и служит ей. Мгновения такие мы находим Повсюду — с детства самого они Знакомы нам, и там, я полагаю, Всего видней. Насколько я могу Судить, влиянием этим благотворным Полна вся жизнь моя.</p> <p style="text-align: center;">В ту пору, как (Тогда мне не было еще шести) Уздечку я едва лишь научился Держать в руках, с наставником моим (Его, припоминаю, звали Джеймс) Мы сели на коней и поскакали К холмам, но не успели одолеть Часть малую пути, как я отстал И, испугавшись, спешил. Потом По склону каменистому повел Коня и с ним спустился в низ долины, В торфяник, где когда-то в старину Разбойник был повешен на цепях. От виселицы ныне только столб Остался; перекладина, прогнув, Валялась на земле; цепей, скелета Уж было не видать, зато поодаль, Еще в то время, как произошла Сия история, убийцы имя На дерне было вырезано. Много Лет с той поры прошло, но эта надпись (Из суеверия здесь каждый год Траву снимали) и теперь была Видна отчетливо. Не понимая, Где оказался, и дрожа от страха, Я вдруг заметил на зеленом дерне Те буквы странные. Скорей оставив Зловещий дол, я снова поднялся</p>	<p>245</p> <p>250</p> <p>260</p> <p>270</p> <p>280</p> <p>290</p>
--	--	---	---

<p>The Beacon on the summit, and more near, A Girl who bore a Pitcher on her head And seemed with difficult steps to force her way Against the blowing wind. It was, in truth, An ordinary sight; but I should need</p>	
<p>Colours and words that are unknown to man 310 To paint the visionary dreariness</p>	<p>Наверх и тут увидел под холмами Большое озеро, маяк над ним И впереди, чуть ближе, молодую Селянку, что с кувшином на плече Шла, чуть ли не сбиваемая с ног Сильнейшим ветром, дувшим ей в лицо.</p>
<p>Which, while I looked all round for my lost guide, Did at that time invest the naked Pool, The Beacon on the lonely Eminence,</p>	<p>Я думаю, картина та была Вполне обычной, но ни слов, ни красок, Наверно, не хватило б описать 300</p>
<p>The Woman, and her garments vexed and tossed By the strong wind. When, in a blessed season With those two dear Ones, to my heart so dear, When in the blessed time of early love,</p>	<p>То, что предстало мне, покуда в страхе Метался я, ища проводника Пропавшего: то озеро, и темный Заброшенный маяк, девица та, Как тень, мятущаяся на ветру, — Всё было ужаса полно.</p>
<p>Long afterwards, I roamed about In daily presence of this very scene, 320 Upon the naked pool and dreary crags, And on the melancholy Beacon, fell</p>	<p>Когда же, Поздней намного, в радостную пору Моей любви, с подругой и сестрой, Столь дорогими сердцу моему,</p>
<p>The spirit of pleasure and youth's golden gleam; And think ye not with radiance more divine From these remembrances, and from the power They left behind? So feeling comes in aid Of feeling, and diversity of strength</p>	<p>Я каждый день прогуливался здесь, 310 То озеро пустынное, утесы Зловещие и сумрачный маяк Преображались в золотом сиянье Любви и юности — и этот свет Был только глубже от воспоминаний, Что силу сохраняли до сих пор.</p>
<p>Attends us, if but once we have been strong. Oh! mystery of Man, from what a depth Proceed thy honours! I am lost, but see 330 In simple childhood something of the base On which thy greatness stands; but this I feel, That from thyself it is that thou must give, Else never canst receive. The days gone by Come back upon me from the dawn almost Of life: the hiding-places of my power Seem open; I approach, and then they close; I see by glimpses now; when age comes on, May scarcely see at all, and I would give, While yet we may, as far as words can give, 340 A substance and a life to what I feel: I would enshrine the spirit of the past For future restoration. Yet another Of these to me affecting incidents With which we will conclude.</p>	<p>Так чувство помогает чувству; если Однажды были мы сильны, то силы Прибудет нам. Как сложен человек! Из глубины какой порой восходят 320 Достоинства его! Не заблудиться б; Но в детской простоте я вижу то, На чем величье зиждется. Одно Я знаю: лишь тогда нам воздается, Коль от себя даем. Порою дни Прошедшие из самого начала Вдруг возвращаются ко мне — как будто Открылись силы тайники, но только Приблизись — они сокрыты вновь, Теперь лишь мельком вижу их. С годами 330 И вовсе перестану? А хотел бы (Насколько то позволено в словах) Дать чувствам жизнь и плоть и сохранить Дух прошлого, чтобы потом однажды Смочь воскресить его. Еще один Из случаев, мне памятных, на том И завершим, пожалуй.</p>
<p>One Christmas-time, The day before the Holidays began, Feverish, and tired, and restless, I went forth Into the fields, impatient for the sight Of those two Horses which should bear us home, My Brothers and myself. There was a crag, 350 An Eminence, which from the meeting-point Of two highways ascending, overlooked At least a long half-mile of those two roads, By each of which the expected Steeds might come, The choice uncertain. Thither I repaired</p>	<p>Как-то раз, На Рождество (каникулы вот-вот Должны были начаться), я к лугам Помчался, где, не в силах больше ждать, 340 Мечтал еще издалека увидеть</p>

<p>Up to the highest summit. 'Twas a day Stormy, and rough, and wild, and on the grass I sate, half-sheltered by a naked wall; Upon my right hand was a single sheep, A whistling hawthorn on my left, and there, 360 With those companions at my side, I watched, Straining my eyes intensely, as the mist Gave intermitting prospect of the wood And plain beneath. Ere I to School returned That dreary time, ere I had been ten days A dweller in my Father's House, he died, And I and my two Brothers, Orphans then, Followed his Body to the Grave. The event With all the sorrow which it brought appeared 370 A chastisement; and when I called to mind That day so lately passed, when from the crag I looked in such anxiety of hope, With trite reflections of morality, Yet in the deepest passion, I bowed low To God, who thus corrected my desires; And afterwards, the wind and sleety rain, And all the business of the elements, The single sheep, and the one blasted tree, And the bleak music of that old stone wall, The noise of wood and water, and the mist 380 Which on the line of each of those two Roads Advanced in such indisputable shapes, All these were spectacles and sounds to which I often would repair and thence would drink, As at a fountain; and I do not doubt That in this later time, when storm and rain Beat on my roof at midnight, or by day When I am in the woods, unknown to me The workings of my spirit thence are brought.</p>	<p>Двух лошадей, с которыми нам скоро (Нам — это мне и братьям) предстояло Отправиться домой. Там был утес На перекрестке двух дорог, откуда Я на полмили каждую из них Мог видеть; и, забравшись на вершину, Я ждал. День был дождливый, бурный, злой. Под каменной стеною на траве Сидел я — справа от меня овца 350 Паслась уныло, слева старый куст Боярышника гнулся до земли. И я смотрел, смотрел во все глаза Сквозь пелену дождя попеременно На лес и луг внизу. Я не успел Вернуться в школу, не успел отбыть Те две недели в доме у отца, Как умер он — и я, и двое братьев Моих, осиротев, за гробом шли, Его сопровождая. Наказаньем 360 Событие это стало для меня. Я вспоминал тот день, совсем недавний, Тот холм и нетерпение мое И, укоряя сам себя, склонялся Пред Господом, что волею Своей Мою исправил волю. И потом Тот дождь и ветер, весь разгул стихий, И эта одинокая овца, И стонущий боярышник, и гул Деревьев, музыка воды, туман, 370 Порою принимавший очертанья Коней, несущихся во весь опор, Что видел, слышал я тогда, слилось В один поток, к которому нередко Я шел, чтоб жажду утолить. И ныне, Когда средь ночи ливень и гроза Ко мне в окно стучатся, или днем Блуждаю по лесу, где никогда Доселе не был, то не сомневаюсь — Так иль иначе выйду я к Нему. 380</p>
<p>Thou wilt not languish here, O Friend, for whom 390 I travel in these dim uncertain ways; Thou wilt assist me as a pilgrim gone In quest of highest truth. Behold me then Once more in Nature's presence, thus restored Or otherwise, and strengthened once again (With memory left of what had been escaped) To habits of devoutest sympathy.</p>	<p>Мы не задержимся здесь, друг. Довольно В тумане я бродил! Теперь тропа К высотам истины лежит. Пойдем! Увидишь ты: природа вновь поможет Мне возродиться, и, не забывая О том, чего избежать удалось, Я поклонюсь ей на путях любви.</p>
<p>(“The Prelude” 1850, XI: 258–397 // William Wordsworth. The Major Works. OUP, 2000.)</p>	<p>(Вордсворт, Уильям. Прелюдия, или Становление сознания поэта. Из книги 11. Ладомир: Наука, 2017.)</p>